

НЕДОНЕСЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРВЫХ АКТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В современном уголовном праве заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлении являются самостоятельными составами преступлений против правосудия (ст.ст. 405 и 406 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь) и рассматриваются в качестве форм прикосновенности к преступлению. Прикосновенность к преступлению – это умышленное деяние (действие или бездействие) лица, которое не участвовало совместно с другими лицами в совершении преступления и не способствовало его совершению, выразившееся в заранее не обещанном укрывательстве преступления, недонесении о преступлении либо попустительстве преступлению, совершенному другим лицом. Укрывательство и недонесение о преступлении представляют собой умышленную деятельность, связанную с готовящимся или совершенным другими лицами преступлением, лежащую вне данного преступления, не содействующую его совершению. Общественная опасность указанных деяний состоит в том, что они препятствуют раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных лиц, затрудняют работу правоохранительных и судебных органов. Тем самым нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности, не достигается цель восстановления социальной справедливости, наносится ущерб нормальному состоянию общественных отношений. В связи с этим недонесение и укрывательство были наказуемы в различные исторические эпохи, в том числе и в советский период нашей истории.

До систематизации уголовного законодательства нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению содержались во многих декретах советской власти. Первые об ответственности лиц, прикосновенных к преступлению, сказано в декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», в соответствии с которым соучастники и все лица, прикосновенные к даче взятки, подлежали такому же наказанию, что и взяточполучатель. Декрет «О спекуляции» от 22 июля 1918 г. и постановление СНК «О набатном звоне» от 30 июля 1918 г. содержали указание, что подстрекатели, пособники и прикосновенные лица наказываются наравне с главными виновниками. Следовательно, характерным для декретов «О спекуляции» и «О набатном звоне» является отнесение различных категорий прикосновенных к преступлению лиц к соучастникам. Оба эти декрета говорят о прикосновенности в общей форме, не различая отдельных видов прикосновенности[3].

Об укрывательстве или «покрывательстве» впервые упоминает постановление Наркомфина «О запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и о регистрации акций и паев этих предприятий». Пункт 8 постановления гласит: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие и покрывательство по нарушению сего постановления виновные предаются революционному трибуналу»[6, с. 541].

По п. 9 декрета СНК «О тыловом ополчении» от 20 июля 1918 г. наказанию подлежал «виновный в содействии к склонению к невыполнению ополченских обязанностей, в содействии к побегу, к укрывательству уклоняющегося, а равно в несообщении властям об уклонении виновного» [3]. Данный акт, в отличие от предыдущих, выделяет недонесение («несообщение») в отдельное преступное деяние.

В связи с началом гражданской войны и необходимостью защищать советское государство был принят ряд нормативных правовых актов, предусматривавших ответствен-

ность за дезертирство, в том числе за укрывательство дезертиров. Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве» за укрывательство отвечали председатели домовых комитетов и хозяева квартир, в которых находился дезертир. В постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» было включено несколько норм об ответственности за укрывательство. Во-первых, ответственности подлежали семьи дезертиров, виновные в укрывательстве, и вообще укрыватели (ст. 6). Во-вторых, более строгие меры наказания (вплоть до расстрела) предусматривались для советских должностных лиц, виновных в укрывательстве мобилизованных и дезертиров. В-третьих, в ст. 8 постановления закреплялось: «В тех случаях, когда местное население упорно укрывает дезертиров или не оказывает содействия их задержанию, губернским комиссиям по борьбе с дезертирством предоставляется право налагать штрафы на целые волости, села и деревни за круговой порукой всего населения и назначить для них принудительные общественные работы. От штрафов и общественных работ освобождаются семьи красноармейцев и все, оказавшие содействие в поимке дезертиров». Введение этой нормы, по мнению А.В. Баркова, было оправдано необходимостью принятия самых радикальных административных мер в борьбе с опасными преступлениями, установление круговой поруки должно было активизировать участие населения в изобличении дезертиров[1, с. 20].

Первым советским систематизированным уголовно-правовым актом стали «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые постановлением НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. Они являлись своего рода опытом обобщения судебно-трибунальской практики за первые два года существования диктатуры пролетариата и вместе с тем инструкцией судам для дальнейшего развития их работы. В них впервые были сформулированы исходные юридические нормы Общей части уголовного права. В «Руководящих началах» термин «прикосновенность к преступлению» не упоминался, а по ст. 24 пособиями считались «те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. не препятствованием совершению преступления» [7]. Укрывательство, как и ранее, было отнесено к соучастию в виде пособничества. То же можно сказать и о недонесении, которое, хоть и не упоминалось прямо, но по своему содержанию относилось к попустительству.

26 мая 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. ЦИК БССР постановлением от 24 июня 1922 г. ввел в действие этот кодекс на всей территории Белорусской ССР с 1 июля того же года без всяких изменений. Более того, в постановлении указывалось, что «Уголовный кодекс применяется по отношению ко всем преступным деяниям, не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие»[2, с. 232], т.е. ему придавалась обратная сила. Согласно ст. 16 Общей части УК РСФСР 1922 г. пособиями считались те, кто содействовал выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления. Таким образом, укрывательство рассматривалось как проявление соучастия в преступлении независимо от того, было оно заранее обещано или нет.

Некоторые нормы о деяниях прикосновенных лиц содержались лишь в Особой части УК РСФСР 1922 г. В разделе «О контрреволюционных преступлениях» главы первой «Государственные преступления» УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ответствен-

ность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, не связанное с непосредственным совершением этих преступлений и при неосведомленности об их конечных целях (ст. 68). Наказание устанавливалось в виде лишения свободы на срок не ниже одного года. Отметим, что в соответствии со ст. 57 УК 1922 г. контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [5].

В УК РСФСР 1922 г. была установлена ответственность за недоносительство. В Общей части УК о нем ничего не говорилось, а в ст. 89 Особенной части к преступлениям против порядка управления было отнесено недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных контрреволюционных преступлениях, за что предусматривалось лишение свободы на срок до одного года. Недонесение о других преступлениях не являлось уголовно наказуемым.

Принятые 31 октября 1924 г. общесоюзные Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик характеризовались недостаточно четкой разработкой соучастия, не отличали от него прикосновенность к преступлению. В связи с этим в уголовных кодексах большинства союзных республик и заранее обещанное, и заранее не обещанное укрывательство относилось к пособничеству в преступлении. Только в кодексах Украинской и Грузинской ССР заранее не обещанное укрывательство рассматривалось как самостоятельное преступление.

По УК БССР 1928 г. пособниками признавались лица, содействующие выполнению преступления сокрытием преступника или следов преступления (ст. 24). Согласно ст. 26 данного закона недонесение о совершенном или готовящемся преступлении преследовалось только в случаях, указанных в статьях УК. Такими статьями были: ст. 73 – недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении; ст. 86 – недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных массовых беспорядках, бандитизме, фальшивомонетничестве [4, с. 24, 29].

Анализ приведенных положений советского уголовного законодательства позволяет констатировать, что его классовый характер, направленный на защиту диктатуры пролетариата, нашел отражение и в нормах о недонесении и укрывательстве. Практически во всех рассмотренных актах не проводится четкое отграничение этих форм прикосновенности к преступлению и соучастия в нем. Укрывательство не разграничивается на заранее обещанное и заранее не обещанное, и признается пособничеством преступлению. Недонесение в качестве преступления последовательно выделяется только с УК РСФСР 1922 г. И укрывательство, и недоносительство были наказуемы лишь, когда совершались в отношении отдельных преступлений, которые представляли наибольшую опасность для молодого советского государства, прежде всего, контрреволюционных.

1. Барков, А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений / А.В. Барков. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 112 с.

2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі., Я.А. Юхо; пад агул.рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.

3. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/item492.html> – Дата доступа : 07.11.2012.
4. Крымінальны кодэкс Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Афіц. выд. – Мінск, Выд. Кіраўніцтва спраў СНК:Выд. экан. нарады БССР, 1928 – 163 с.
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1922_года/Темр – Дата доступа : 07.11.2012.
6. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.:Госюриздат, 1961. – 666 с.
7. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7311.htm>. – Дата доступа : 07.11.2012.

Данилов Ю.Д. (Брестский государственный технический университет)

КЛАССОВАЯ ДОМИНАНТА В РЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА ПРИ СОЗДАНИИ СССР

Возникновение Белорусской ССР, как собственно и других союзных республик, стало следствием развития российского революционного движения. Несмотря на довольно распространенное мнение о том, что национальный вопрос являлся предметом особого интереса для победившего пролетариата, сегодня следует признать, что пришедшие к власти большевики не придавали национальному вопросу большого значения.

Как известно, концепция решения национального вопроса в 1917 году рождалась с позиций, которые были сформулированы В.И. Лениным еще в 1913 году. Тогда эта проблема рассматривалась исключительно сквозь призму глобальной цели – построения мировой советской республики. В этом же, 1913 году, вышла в свет и известная работа И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». И в том, и в другом случае, национальный вопрос признавался не только второстепенным в контексте задач предстоящей революционной борьбы пролетариата, но и вредным, потому что, по мнению и Ленина и Сталина, лозунги националистического характера вводили рабочих от истинных целей революционной борьбы. Например, Ленин отмечал в этой связи, что «... национальная политика буржуазии по определению чужда рабочему классу любой национальности, потому что она проникнута национализмом, который отвлекает рабочих от революционной борьбы»[1, с. 115]. При этом подчеркивалось, что большевикам в принципе безразлично, где будут проходить национальные границы, потому что основной задачей является сохранение «...союза между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией»[1, с. 116].

В ноябре 1917 г. в составе первого правительства Советской России был создан народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), руководителем которого был назначен И.В. Сталин. При Наркомнаце РСФСР стали создаваться национальные комиссариаты, призванные стимулировать развитие национальных чувств у народов бывшей империи и осуществлять мобилизацию этих народов на поддержку коммунистической революции и Советской России.

Тем не менее, развитие событий показало, что во многих случаях революционный процесс в национальных окраинах России развивался именно под националистическими